

Академия теней: любовь из пепла

Данна Леднива

Данна Леднива

Академия теней: любовь из пепла

«Автор»

2026

Леднива Д.

Академия теней: любовь из пепла / Д. Леднива — «Автор», 2026

Каэль Вейн хочет быть тенью — невидимым кукловодом, управляющим миром из темноты. В Академии Резонанса он намеренно занимает тридцать седьмое место из сорока. По ночам надевает театральную маску и репетирует роль теневого владыки. Но когда его импровизированная фраза попадает в бухгалтерскую книгу культа как божественное откровение, рождается тайный орден «Затмение», члены которого верят в несуществующего Великого Эреба. Игра перестаёт быть игрой, когда Каэль узнаёт: магия в этом мире имеет необратимую цену. Каждый применённый резонанс сокращает жизнь. А любовь требует передачи части собственной души — без возврата. Он готов быть тенью. Но она научила его, что тень — не место, где прячутся герои, а место, где другому человеку разрешают быть слабым.

© Леднива Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел наставника	5
Глава 2. Посредственность как маска	11
Глава 3. Первая ложь, ставшая правдой	16
Глава 4. Сад теней	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Данна Леднива

Академия теней: любовь из пепла

Глава 1. Пепел наставника

Ведро протекало уже третью неделю, и Мастер Грэйв чинил его так, будто вёл переговоры с упрямым должником.

Он сидел на перевёрнутом ящике у порога, подложив под колено кусок просмоленного полотна, и вколачивал в шов крошечные медные заклёпки, каждую из которых доставал из жестяной банки с такой осторожностью, словно они были последними в мире. Колокольная медь, объяснял он когда-то Каэлю, не ржавеет и не просит платы, а потому годится для всего, что должно пережить хозяина. Каэль запомнил эту фразу не потому, что она была мудрой, а потому, что Грэйв произнёс её тем особенным ровным голосом, которым обычно отмеряют соль в суп, и именно эта ровность делала слова тяжёлыми, как сама медь.

Каэль наблюдал за починкой из-за угла хижины, где, по его собственному режиссёрскому замыслу, должен был стоять мальчик, случайно ставший свидетелем великого труда.

Он давно уже понял, что жизнь устроена как спектакль, в котором большинство людей играют массовку, даже не зная, что у них есть роль, и только настоящий теневой маг способен видеть сцену целиком, включая то, откуда падает свет. Свет в данном случае падал из щели между досками крыши, потому что крыша тоже протекала, и Каэль мысленно поставил себе заметку: если когда-нибудь он будет описывать эту сцену, свет должен литься слева и чуть сверху, как в театре кукольника на ярмарке, куда его водили один раз в восемь лет и откуда он вынес твёрдое убеждение, что все великие истории начинаются с того, что кто-то стоит в правильном луче.

— Ты опять стоишь так, будто тебя рисуют, — сказал Грэйв, не поднимая головы от ведра.

— Я отрабатываю осанку, — ответил Каэль, выпрямляясь с той преувеличенной плавностью, которую он тренировал каждое утро у колодца.

— Осанку отрабатывают, когда таскают воду, а не когда подглядывают.

— Я не подглядываю, я наблюдаю за техникой.

Грэйв вбил последнюю заклёпку и провёл большим пальцем по шву, проверяя, не осталось ли щели, и Каэль заметил, что палец у наставника дрогнул, не сильно, не театрально, а так, как дрожит нить, когда её слишком туго натянули на раму. Он заметил это и тут же решил не замечать, потому что режиссёр внутри него уже распределял роли на сегодняшний день, и в этой пьесе не было места для дрожащих пальцев.

Пустошь за хижинкой лежала ровная и серая, как невыделанная ткань, и только далеко на востоке, там, где когда-то стоял город, земля была изрыта тёмными полосами, будто кто-то провёл по ней гигантским гребнем. Грэйв называл это место Старым Швом и запрещал ходить туда ближе чем на полдня пути, а Каэль, разумеется, ходил, но только до того холма, с которого было видно, и возвращался до темноты, потому что режиссёр внутри него знал: герой, который уходит слишком далеко в первой сцене, не успевает вернуться к собственной истории.

— Иди сюда, — сказал Грэйв, и Каэль подошёл, стараясь ступать так, чтобы скрип половиц ложился ровным ритмом. — Держи.

Грэйв протянул ему ведро, и Каэль взял его обеими руками, чувствуя, как холодная медь заклёпок впивается в ладони через тонкую ткань рубашки. Ведро было тяжёлым, не потому что в нём была вода, а потому что Грэйв клал на дно плоский камень, чтобы ветер не переворачивал

пустую посуду, и Каэль подумал, что это очень похоже на самого Грэйва: снаружи ничего, а внутри камень, который не даёт улететь.

— Отнеси к колодцу и набери, — сказал Грэйв. — Вода нужна к обеду.

— А если я скажу, что колодец сегодня не в настроении?

— Тогда я скажу, что обед тоже не в настроении, и ты останешься без похлёбки.

Каэль пошёл к колодцу, неся ведро перед собой, как носят реквизит в антракте, когда занавес ещё не поднялся, но зрители уже шуршат в темноте. Колодец стоял в двадцати шагах от хижины, обложенный диким камнем, и ворот у него был сделан из кривой ветки вяза, которую Грэйв выгнул сам, потому что прямых веток в Пустоши не росло, а кривые, говорил он, держат крепче, потому что знают, как гнуться и не ломаться. Каэль накрутил верёвку, опустил ведро и слушал, как оно ударяется о воду с тем глухим звуком, который в его внутренней пьесе означал переход к следующей сцене.

Он вытащил ведро, полное до края, и понёс обратно, и на середине пути вода плеснула ему на левое запястье, и он подумал, что это хороший знак, потому что вода холодная, а значит, день будет длинным и в нём ещё много чего успеет случиться.

Грэйв к этому времени уже стоял у стола, на котором были разложены инструменты для урока: три глиняных плошки с солью разного помола, моток льняной нити, колокольная спица и кусок холстины, накрытый сверху, чтобы не пылился. Каэль поставил ведро у порога и вытер руку о штанину, и Грэйв посмотрел на него так, как смотрят на человека, который принёс нужную вещь вовремя, и Каэль почувствовал, как внутри него режиссёр довольно кивнул, потому что сцена была сыграна чисто, без единой лишней реплики.

— Сегодня повторяем подавление на третьей плошке, — сказал Грэйв, снимая холстину и открывая под ней четвертую плошку, которую Каэль раньше не видел.

В четвертой плошке соль была не белая, а сероватая, с тёмными прожилками, и пахла она не солью, а чем-то таким, что Каэль не смог бы назвать, если бы его спросили, потому что запах был похож на воспоминание о запахе, на тот след, который остаётся в комнате после того, как из неё вынесли всё, что в ней было.

— Это заражённая соль, — сказал Грэйв ровным голосом, каким отмеряют крупу. — Я принёс её из Старого Шва. В ней живёт чужой резонанс, очень слабый, но достаточный, чтобы ты почувствовал, как работает подавление, когда частота не твоя.

Каэль посмотрел на плошку и почувствовал, как режиссёр внутри него замер, потому что в пьесе, которую он себе писал, не было сцены с заражённой солью, и это означало, что Грэйв импровизирует, а когда Грэйв импровизировал, это всегда значило, что он знает что-то, чего Каэлю пока не говорит.

— Садись, — сказал Грэйв, и Каэль сел на пол, скрестив ноги, как его учили.

Грэйв поставил плошку между ними и сел напротив, и Каэль увидел, что наставник сегодня сел не на свой обычный табурет, а прямо на пол, и это было странно, потому что Грэйв всегда сидел на табурете, и Каэль однажды спросил почему, и Грэйв ответил, что с табурета удобнее вставать, если нужно уйти быстро, и Каэль тогда подумал, что это очень похоже на человека, который всегда держит у двери собранный мешок.

— Положи руку над плошкой, ладонью вниз, — сказал Грэйв. — Не касайся соли. Чувствуешь тепло?

Каэль положил руку и почувствовал, что от соли идёт не тепло, а скорее отсутствие тепла, как будто кто-то вырезал из воздуха кусок и оставил на его месте дыру, и дыра эта была размером с монету и находилась прямо под его ладонью.

— Чувствую, — сказал он.

— Это не тепло, — сказал Грэйв. — Это чужая частота, которая пытается звучать. Твоя задача — не заглушить её силой, а дать ей место, чтобы она отзвучала сама. Подавление —

это не стена. Подавление — это тишина, в которой чужой звук теряется, потому что ему не от чего отразиться.

Каэль слушал и старался дышать так, как учил Грэйв: медленно, через нос, считая до четырёх на вдохе и до шести на выдохе, и режиссёр внутри него отмечал, что голос Грэйва сегодня звучит чуть иначе, чуть медленнее, чем обычно, и что паузы между словами стали длиннее, и что Грэйв дважды повторил слово «частота», хотя обычно не повторял ничего дважды, потому что считал, что повтор — это признак того, что говорящий не уверен в сказанном.

— Начни, — сказал Грэйв.

Каэль закрыл глаза и попытался сделать то, что делал на предыдущих уроках: найти внутри себя то место, где обычно звучал его собственный резонанс, тихий и ровный, как гудение натянутой нити, и расширить вокруг него тишину, чтобы чужая частота из плоски утонула в этой тишине, как камень тонет в стоячей воде.

Он чувствовал, как чужой звук пульсирует под ладонью, мелкий, назойливый, как комар, который залетел в комнату и бьётся о стекло, и Каэль расширял тишину, расширял, и в какой-то момент почувствовал, что комар перестаёт биться, и ему показалось, что он всё сделал правильно, и режиссёр внутри него уже начал было поднимать руку, чтобы дать знак к переходу в следующую сцену.

А потом Грэйв кашлянул.

Не громко, не театрально, а так, как кашляет человек, у которого в горле застряло что-то, что он не может ни выплюнуть, ни проглотить, и Каэль открыл глаза и увидел, что Грэйв сидит всё так же, прямо на полу, но его левая рука лежит на колене ладонью вверх, и на ладони этой проступают тёмные прожилки, точно такие же, как в заражённой соли, только не серые, а почти чёрные, и они расходятся от центра ладони к пальцам, как трещины расходятся по пересохшей глине.

— Учитель, — сказал Каэль, и голос его прозвучал не так, как он хотел, не так, как звучал бы голос героя в его внутренней пьесе, а тонко и жидко, как звук, который издаёт треснувшая плоска.

— Продолжай, — сказал Грэйв, и голос его был ровным, но Каэль уже слышал, что ровность эта держится на одном дыхании, как нить держится на одном узле. — Не останавливай подавление. Ты почти закончил.

— У вас рука, — сказал Каэль.

— Я знаю, что у меня рука, — сказал Грэйв. — Продолжай урок.

И Каэль продолжил, потому что Грэйв сказал продолжать, и потому что режиссёр внутри него не знал, какую сцену играть дальше, и когда режиссёр не знает, актёры продолжают играть то, что играли, и Каэль снова закрыл глаза и расширил тишину, и чужая частота в плоске утихла окончательно, и он почувствовал, как что-то внутри него самого сдвинулось, как сдвигается камень на дне ведра, когда ведро ставят на землю слишком резко, и сдвиг этот был не болью, а скорее потерей, как будто кто-то вынул из него одну маленькую деталь и положил на стол рядом, и деталь эта была тёплой и живой, и теперь остывала на воздухе.

Он открыл глаза и увидел, что Грэйв смотрит на него, и в глазах наставника нет ни одобрения, ни гордости, а только та самая ровность, которой отмеряют соль, и Каэль понял, что Грэйв смотрит не на него, а сквозь него, как смотрят на то, что уже решили потерять, но ещё не убрали с полки.

— Хорошо, — сказал Грэйв. — На сегодня достаточно.

Он попытался встать, и Каэль увидел, что он не может, что ноги его не слушаются так, как слушались всегда, и что Грэйв опирается руками о пол, и пальцы его оставляют на досках тёмные следы, и следы эти похожи на те прожилки, что были в заражённой соли, и Каэль понял, что режиссёр внутри него сейчас должен сказать что-то, должен дать команду, должен переписать сцену, потому что то, что происходило, не было ни в одной пьесе, которую он себе

сочинял, и режиссёр молчал, и Каэль тоже молчал, и тишина между ними была такой, как та тишина, которой он учился гасить чужую частоту, только эта тишина не гасила ничего, а наоборот, делала каждый звук оглушительным.

— Учитель, — сказал Каэль.

— Не называй меня так, — сказал Грэйв, и голос его был всё ещё ровным, но Каэль слышал, что ровность эта трещит по шву, как трещит ведро, в которое забили слишком много заклёпок. — Встань и принеси колокольную спицу со стола.

Каэль встал и взял спицу, и металл был холодным и тяжёлым, и он нёс её к Грэйву, и режиссёр внутри него наконец заговорил, и сказал, что сейчас будет сцена, в которой ученик помогает учителю подняться, и Каэль протянул спицу Грэйву, как протягивают трость, но Грэйв не взял её, а посмотрел на Каэля снизу вверх, и Каэль увидел, что тёмные прожилки поднялись уже до запястья, и что левая рука Грэйва больше не сжимается в кулак, и что пальцы её лежат на полу, как пальцы куклы, у которой сломали проволочный каркас.

— Пепел, — сказал Грэйв, и произнёс это слово так, как произносят название болезни, которую давно ждали и которая всё-таки пришла раньше, чем рассчитывали. — Он во мне уже давно. Я думал, что успею. Оказалось, что не успел.

Каэль стоял со спицей в руке и чувствовал, как металл нагревается от его пальцев, и режиссёр внутри него пытался подобрать реплику, перебирал варианты, отбрасывал один за другим, потому что ни одна реплика не подходила, и Каэль впервые в жизни понял, что есть ситуации, для которых режиссёр не может написать текст, и в этих ситуациях актёр остаётся на сцене один, без слов, без света, без занавеса.

— Послушай меня, — сказал Грэйв, и Каэль опустился на колени, потому что ноги сами согнулись, и он оказался на одном уровне с наставником, и увидел, что тёмные прожилки уже дошли до локтя, и что Грэйв дышит часто и мелко, как дышит человек, который бежал долго и теперь не может остановиться. — Когда Пепел дойдёт до плеча, я перестану быть собой. Это произойдёт быстро. Может быть, через час. Может быть, через два. Я не хочу, чтобы ты видел, как это будет.

— Я могу подавить, — сказал Каэль, и голос его дрогнул, и он услышал эту дрожь и возненавидел её. — Я могу расширить тишину, как вы учили, и заглушить Пепел внутри вас.

— Можешь, — сказал Грэйв. — И это убьёт тебя, потому что Пепел во мне слишком старый и слишком голодный, и он не отзвучит в твоей тишине, он сожрёт её вместе с тобой. Ты понял?

Каэль понял, и режиссёр внутри него закрыл лицо руками, потому что понял тоже.

— Тогда что мне делать, — сказал Каэль, и это не был вопрос, потому что он уже знал ответ, и знал его с того момента, как увидел тёмные прожилки на ладони Грэйва, и знал, что режиссёр не напишет для этой сцены другого финала, и что свет не ляжет красиво, и что занавес не упадёт вовремя.

Грэйв протянул правую руку, ту, которая ещё слушалась, и коснулся левого запястья Каэля, и Каэль почувствовал, как пальцы наставника обхватывают его руку, и в том месте, где кожа Грэйва коснулась его кожи, стало горячо, нестерпимо горячо, как будто кто-то прижал к нему раскалённую монету, и Каэль дёрнулся, но Грэйв держал крепко, и Каэль увидел, что от прикосновения на его запястье проступает красное пятно, и пятно это растёт, и Грэйв смотрит на него, и в глазах его нет ни жалости, ни торжественности, а только та самая ровность, и Каэль понял, что Грэйв передаёт ему что-то, не силу, не знание, а просто тепло, последнее тепло, которое у него осталось, и передаёт его так, как передают соль, отмеряя ровно столько, сколько нужно, ни больше ни меньше.

Грэйв отпустил его руку, и Каэль посмотрел на своё запястье, и увидел, что красное пятно стало ожогом, и ожог этот был в форме полумесяца, и болел так, как болит то, что запоминается навсегда.

— Спица, — сказал Грэйв. — Колокольная медь гасит резонанс. Если ты введёшь её в основание шеи, туда, где позвоночник встречается с черепом, Пепел не успеет перейти. Это быстро. Ты понял?

Каэль держал спицу в руке и чувствовал, как металл остывает, и режиссёр внутри него лежал на полу сцены и не двигался, и Каэль понял, что режиссёр мёртв, или почти мёртв, или просто ушёл, оставив его одного в пустом зале, и что сейчас он должен сделать то, что должен, и что для этого не нужны ни свет, ни поза, ни правильная реплика.

Он встал на колени позади Грэйва и положил левую руку ему на плечо, чтобы удержать, и почувствовал, как плечо под его ладонью дрожит, не от страха, а от того, что Пепел уже шёл по нему, и Каэль нащупал то место, которое показал Грэйв, основание шеи, где кость выступала под кожей, и правая рука его со спицей была ровной, и Каэль подумал, что режиссёр, если бы был жив, сказал бы, что рука не должна быть ровной, что она должна дрожать, потому что так положено в пьесе, но режиссёр был мёртв, и рука была ровной, и Каэль ввёл спицу.

Грэйв дёрнулся один раз, коротко, как дёргается нить, когда её обрезают, и обмяк, и Каэль держал его за плечо и чувствовал, как тело тяжелеет, как тяжелеет ведро, когда в него наливают воду до края, и он не убирал руку, и не закрывал глаза, и режиссёр внутри него не говорил ничего, и тишина была такой, какой Каэль ещё никогда не слышал, потому что в этой тишине не было ничего, что можно было бы погасить.

А потом Грэйв заговорил.

Не громко, не торжественно, а так, как говорят во сне, когда не знают, что их слышат, и голос его был уже не его, а чей-то другой, тонкий и далёкий, как голос человека, который стоит на другом конце длинного коридора и не знает, что дверь закрыта.

— Воды, — сказал Грэйв. — Попроси воды у соседки. Не у меня. У соседки попроси.

Каэль держал его за плечо и слушал, и ждал, что сейчас будет что-то ещё, какое-то слово, какое-то наставление, что-то, что можно будет запомнить и носить с собой, как носят медную заклёпку в кармане, но Грэйв молчал, и Каэль понял, что это всё, что это были последние слова, и что они были про воду, и про соседку, которой не существовало, потому что ближайшая соседка жила в трёх днях пути, и что Грэйв, когда говорил их, уже не знал, где он, и не помнил имени мальчика, который держал его за плечо.

— Учитель, — сказал Каэль. — Меня зовут Каэль.

Грэйв не ответил, и Каэль понял, что он уже не слышит, и что имя Каэль для него сейчас пустой звук, как пустой звук название колодца для человека, который никогда не пил воды.

Каэль сидел на полу и держал руку на плече Грэйва, и ведро стояло у порога, полное до края, и вода в нём была холодной, и Каэль мог встать, и взять ковш, и набрать воды, и поднести к губам Грэйва, но он не встал, потому что Грэйв уже не пил воду, и не дышал, и не знал, что Каэль сидит рядом, и Каэль понял, что не сходит за водой, и что не сходил, и что не пойдёт, и что ведро будет стоять у порога полным, и вода в нём будет остывать, и никто её не выпьет.

Он не знал, сколько времени сидел так, и режиссёр внутри него молчал, и свет из щели в крыше двигался по полу, как двигается стрелка по циферблату, и Каэль смотрел на свою левую руку, на ожог в форме полумесяца, и чувствовал, как боль в нём становится ровной, как ровность голоса Грэйва, когда тот отмерял соль, и Каэль подумал, что боль — это тоже частота, и что если расширить вокруг неё тишину, она отзвучит сама, и он попробовал, и тишина не пришла, потому что эта частота была его собственная, и погасить её означало погасить себя.

Он встал, и ноги его затекли, и он пошёл к столу, и взял холстину, которой Грэйв накрывал инструменты, и накрыл ею тело, потому что режиссёр внутри него, который к этому времени уже не был мёртв, а просто очень устал, сказал, что тело нужно накрыть, и Каэль накрыл, и края холстины легли ровно, и он поправил один угол, который топорщился, и поправил ещё раз, и ещё раз, потому что угол не ложился, и Каэль понял, что будет поправлять его, пока не ляжет, и что это займёт столько времени, сколько нужно.

Когда угол лёг, Каэль отошёл к порогу и посмотрел на ведро.

Вода в нём была неподвижной, и Каэль видел в ней своё отражение, маленькое и тёмное, и он подумал, что режиссёр, если бы был в силах, написал бы сейчас финальную сцену, в которой мальчик стоит у ведра и произносит что-то мудрое, что-то, что потом будут повторять другие, и Каэль открыл рот, и закрыл, и открыл снова, и понял, что Грэйв не говорил ничего мудрого, и что последние слова были про воду и про соседку, и что никакой соседки не было, и что никто не придёт и не принесёт воды, и что мудрость — это то, что придумывают потом, когда уже нельзя спросить, что было на самом деле.

Он сел на ящик у порога, на тот самый ящик, на котором утром сидел Грэйв, и взял из жестяной банки одну медную заклёпку, и положил её на ладонь, и почувствовал, как холодный металл нагревается от кожи, и режиссёр внутри него, уставший и побитый, тихо сказал, что нужно запомнить эту сцену, что нужно запомнить, как свет падает слева, как ведро стоит у порога, как холстина лежит ровно, и Каэль запомнил, и понял, что запоминает неправильно, что память уже начала переписывать, уже подставляла вместо воды и соседки что-то другое, что-то, что звучало бы как наставление, как фраза, которую можно носить в кармане, и Каэль не стал останавливать память, потому что останови её, и останется только ведро, и ожог на запястье, и тёмные прожилки на чужой руке, и ровный голос, который просит воды у соседки, которой нет.

Память переписала, и Каэль услышал внутри себя голос Грэйва, не тот, который просил воды, а другой, ровный и тяжёлый, как колокольная медь, и голос этот сказал: не прячься от собственного сердца, мальчик, и Каэль поверил, что Грэйв сказал это, и поверил, что запомнил правильно, и поверил, что это было наставление, и что он будет нести его, как несут заклёпку в кармане, и что оно будет греть его, как медь греется от ладони.

Он сидел на ящике и держал заклёпку в руке, и ведро стояло у порога полное, и вода в нём остывала, и Каэль не пошёл за ковшом, и не набрал воды, и не выпил, и режиссёр внутри него смотрел на эту сцену и не давал команды к переходу, потому что перехода не было, потому что следующая сцена начиналась только тогда, когда Каэль решит, что она начинается, и Каэль не решал, и сидел, и держал заклёпку, и слушал, как Пустошь за хижинкой шумит ровно и глухо, как шумит вода в ведре, когда в неё никто не смотрит.

Он решил, что больше никогда не позволит себе зависеть от человека, который может умереть, и решение это легло внутри него ровно и тяжело, как камень ложится на дно ведра, чтобы ветер не перевернул пустую посуду, и Каэль подумал, что это и есть подавление, только не чужой частоты, а своей, и что Грэйв учил его гасить чужой звук, а он научился гасить свой, и что в этом, наверное, и есть разница между учеником и тем, кто остался один.

Ведро стояло у порога, и вода в нём была холодной, и Каэль не пил.

Глава 2. Посредственность как маска

Измерительная церемония в Академии Резонанса проводилась дважды в год, и Каэль каждый раз готовился к ней так, как режиссёр готовится к премьере, в которой его роль состоит в том, чтобы остаться незамеченным зрителем.

Он стоял в очереди тридцать седьмым из сорока, и это место он выбрал не случайно, а после долгих наблюдений за тем, как преподаватели запоминают имена: первые пять слишком заметны, потому что их хвалят, последние пять запоминаются как те, кого нужно подтянуть, а середина списка сливается в одно пятно, как серединные стежки на шве, которые никто не считает, потому что считает только края. Тридцать седьмое место было идеальным, потому что оно находилось достаточно далеко от хвоста, чтобы не вызывать вопросов о лени, и достаточно далеко от головы, чтобы не вызывать вопросов о таланте, и Каэль держался на нём уже третий год подряд, с точностью человека, который отмеряет соль щепотками, а не горстями.

Перед ним стоял Юрген Таль, который всегда потел перед измерением и вытирал ладони о штаны, и Каэль смотрел на его затылок и репетировал про себя ту степень безразличия, с которой он подойдёт к измерительному столбу.

Измерительный столб представлял собой колонну из белой глины, обожжённой при температуре, при которой глина перестаёт быть глиной и становится чем-то средним между камнем и костью, и внутри колонны были проложены жилки колокольной меди, которые отзывались на резонанс и передавали его в счётный механизм, стоящий за спиной преподавателя Гальта. Механизм щёлкал, как счёты, и на табло загоралась цифра, и цифра эта означала силу отклика, и чем она была выше, тем выше студент поднимался в списке, и тем больше шансов у него было попасть в боевую группу, в экспедиционный корпус, в любую из тех структур, где резонанс измерялся не в тишине, а в громкости.

Юрген Таль подошёл к столбу, положил ладонь на глину, и Каэль увидел, как жилки внутри колонны вспыхнули тусклым медным светом, и механизм щёлкнул, и на табло появилась цифра, и преподаватель Гальт записал её в книгу, и Юрген отошёл с тем выражением лица, которое бывает у человека, сдавшего экзамен на тройку и не понимающего, радоваться этому или огорчаться.

Каэль шагнул вперёд, когда его назвали, и подошёл к столбу, и положил правую ладонь на глину, и почувствовал, как глина отзывается под его кожей тёплым и ровным гулом, как отзывается натянутая нить, когда её трогает чужой палец.

Режиссёр внутри него дал команду: гаси.

И Каэль погасил.

Не резко, не демонстративно, а так, как учил Грэйв пять лет назад в хижине на краю Пустоши: расширяя тишину вокруг собственного резонанса, делая его плоским и невидимым, как делают невидимым стежок, пряча его в складку ткани. Он чувствовал, как его частота, которая в полном отклике звучала бы ровно и глубоко, становится всё тише и тише, пока не превращается в тот слабый и неопределённый гул, который измеритель принимает за посредственность, потому что посредственность — это не отсутствие звука, а звук, который не может решить, есть он или нет.

Механизм щёлкнул, и на табло появилась цифра, и преподаватель Гальт записал её в книгу, не поднимая глаз, и Каэль отошёл от столба, и режиссёр внутри него довольно кивнул, потому что сцена была сыграна чисто, и тридцать седьмое место осталось тридцать седьмым местом, и никто не посмотрел на него дольше, чем нужно для того, чтобы записать имя.

Он вернулся в строй и встал на своё место, и никто не повернулся к нему, и никто не спросил, как прошло, и Каэль подумал, что в этом и состоит настоящее мастерство: не в том,

чтобы тебя заметили, а в том, чтобы тебя не заметили настолько, что ты сам начинаешь сомневаться, был ли ты на сцене.

Подавление как дисциплина не значилось в списке боевых искусств Академии, и Каэль знал это, потому что читал список трижды, и в списке были проекция, усиление, барьер, разрыв, эхо и ещё четырнадцать названий, которые звучали как команды для армии, а подавления в списке не было, потому что подавление не было командой, а было тишиной, и на войне тишина не нужна, на войне нужен звук, и чем он громче, тем лучше, и Каэль понимал это, и понимал, что его дисциплина — это дисциплина уборщика, который приходит после спектакля и гасит свечи, и что никому не интересно, как именно он их гасит, потому что всем интересно, как они горели.

Он шёл по коридору Академии после церемонии и слушал, как вокруг него говорят о результатах, о том, кто поднялся, кто опустился, кто попал в боевую группу, и Каэль шёл сквозь эти разговоры, как сквозь шум, который не относится к его сцене, и режиссёр внутри него записывал в блокнот: массовка довольна, главный герой не замечен, свет падает на других, и это правильно, потому что тень не видна там, где свет падает на неё, тень видна только там, где свет падает мимо.

Общежитие Академии Резонанса было построено из серого камня, который добывали в каменоломнях к северу от Вельтара, и стены в комнатах были толстыми, и зимой в них было холодно, а летом прохладно, и Каэль делил комнату с Бенно Рашем, который храпел так, что штукатурка на потолке трескалась, и мечтал о должности городского инспектора, и говорил об этом каждый вечер перед сном, с той интонацией, с которой говорят о женщине, которую любят давно и безнадежно.

— Инспектор, — говорил Бенно, лёжа на своей кровати и глядя в потолок, — это не просто должность, Каэль, это призвание, потому что инспектор — это тот, кто видит, где шов расходится, и чинит его, пока он не расплзся на всю ткань.

Каэль слушал это каждый вечер и каждый вечер не отвечал, потому что режиссёр внутри него считал, что тень не должна вступать в диалог с массовкой, но иногда, когда Бенно засыпал и храп его становился ровным, как гудение натянутой нити, Каэль вставал и подходил к зеркалу.

Зеркало в их комнате было треснувшим, и трещина шла от верхнего правого угла к середине, деля отражение на две части, и Каэль встал перед ним и посмотрел на себя, и режиссёр внутри него дал команду: свет слева, чуть сверху, как в театре кукольника.

Он поднял левую руку, проверяя, как падает свет на скулу, и манжета рубашки задралась, и ожог на внутреннем запястье, тот самый, в форме полумесяца, который Грэйв оставил ему пять лет назад, блеснул в треснувшем зеркале красной полосой, и Каэль опустил рукав и застегнул пуговицу на манжете, и режиссёр внутри него отметил: ожог не виден, хорошо, ожог не входит в спектакль, ожог остаётся за кулисами.

Он репетировал позу, которую видел в пьесе о Теневом Князе, которую ставили в Вельтаре три года назад, и на которую он пробрался через чёрный ход, потому что у него не было денег на билет, и поза эта состояла в том, что князь стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на зал сверху вниз, хотя зал был пуст, и Каэль повторил эту позу перед треснувшим зеркалом, и Бенно за стеной захрапел громче, и Каэль подумал, что Теневой Князь, если бы у него был сосед, который храпит, не смог бы стоять в такой позе дольше трёх минут, потому что поза требует тишины, а тишины в комнате с Бенно не было.

Он попробовал другую позу, из другой пьесы, в которой злодей поворачивался спиной к герою и говорил через плечо, и Каэль повернулся спиной к зеркалу и сказал через плечо: «Ты думаешь, что видел меня, но ты видел только то, что я позволил тебе увидеть», и голос его прозвучал в пустой комнате неестественно громко, и Бенно перестал храпеть на секунду, и Каэль замолчал, и Бенно захрапел снова, и Каэль подумал, что режиссёр, если бы был жив,

сказал бы, что реплика хороша, но произносить её нужно не в комнате с храпящим соседом, а на крыше, в тумане, при луне, и что до крыши, тумана и луны ему ещё далеко, а пока есть только треснувшее зеркало и запах штукатурки.

Он лёг в кровать и застегнул манжету на запястье, потому что даже во сне ожог должен быть закрыт, и закрыл глаза, и режиссёр внутри него погасил свет в зале, и Каэль уснул, и во сне не было ни тумана, ни луны, а только ведро у порога, полное до края, и вода в нём была неподвижной, и никто не пил.

Столовая Академии находилась в подвальном этаже, и потолки в ней были низкими, и пар от котлов ложился на стены влажной плёнкой, и Каэль спускался туда каждый день в одно и то же время, потому что режиссёр внутри него считал, что регулярность делает человека невидимым, как регулярность стежка делает шов незаметным.

Он стоял в очереди за похлёбкой и смотрел, как раздатчица наливает в миски густую жидкость, пахнущую луком и старой глиной, и не смотрел по сторонам, потому что тот, кто смотрит по сторонам, запоминается, а тот, кто смотрит в миску, не запоминается никому.

Кипяток пролился на пол рядом с раздаточным столом, и звук был такой, как рвётся мокрая ткань, и Каэль повернул голову, потому что звук был громким, и увидел, что студент в форме боевой группы стоит с пустым ковшом в руке, а на полу у его ног растекается лужа, и рядом с лужей стоит Лира Эшфолд с подносом в руках, и на подносе у неё были миски, и одна из мисок была пустой, потому что кипяток вылился из неё на пол.

Студент сказал, не повышая голоса, но так, что слышали все, кто стоял в очереди: «Служанка должна смотреть, куда льёт», и Каэль увидел, как Лира Эшфолд не подняла глаз, и не поставила поднос, и не сказала ничего, и только переложила пустую миску с подноса обратно на раздаточный стол, и движение это было ровным и механическим, как движение человека, который повторяет его тысячу раз и знает, что после него будет ещё тысяча.

Студент повернулся к раздатчице и сказал: «Запишите её имя, я напишу жалобу», и раздатчица посмотрела на Лиру, и Каэль увидел, что раздатчица не хочет записывать имя, но запишет, потому что студент боевой группы может написать жалобу, а служанка не может написать ничего, и Каэль шагнул из очереди, и режиссёр внутри него не дал команды, и Каэль не знал, зачем шагнул, и сказал, обращаясь не к студенту, а к раздатчице:

— Ковш стоял на краю стола, и край стола сколот, я видел это вчера, и ковш соскользнул сам, потому что стоять на сколе не может.

Он сказал это ровно, без интонации, как говорят то, что не требует интонации, и студент повернулся к нему, и посмотрел на него, и Каэль понял, что студент его не помнит, потому что тридцать седьмое место не запоминается, и это было правильно, и это было то, что нужно.

Студент хмыкнул и сказал: «Ты уверен?» — и Каэль сказал: «Я видел скол вчера, и сегодня ковш соскользнул», и студент поставил пустой ковш на стол и ушёл, не оглядываясь, и раздатчица не записала имя Леры, и Каэль вернулся в очередь и взял свою миску с похлёбкой, и режиссёр внутри него молчал, потому что не знал, как классифицировать эту сцену: не было ни света, ни позы, ни реплики, достойной Теневого Князя, а был только сколотый край стола, который Каэль действительно видел вчера и который действительно был сколот, и Каэль подумал, что иногда режиссёр не нужен, а нужен только сколотый край.

Он сел за стол и ел похлёбку, и не смотрел в сторону раздаточного стола, и не искал глазами Лиру Эшфолд, и не думал о ней, потому что думать о ней означало бы сделать её частью спектакля, а она не была частью спектакля, она была частью подвала, в котором пахло луком и старой глиной, и Каэль доел похлёбку и отнёс миску, и вышел из столовой, и не оглянулся.

Но Лира Эшфолд, которая стояла у раздаточного стола и перекладывала миски с подноса на стол, подняла глаза один раз, и посмотрела не на лицо Каэля, а на его левую руку, которая лежала на краю стола, и увидела манжету, застёгнутую на пуговицу, и увидела, что из-под манжеты, у самого сгиба запястья, виден краешек красного, и запомнила не лицо, а форму

руки, и то, как пальцы лежали на столе, и то, что манжета была застёгнута даже в подвале, где от пара рубашки прилипают к телу, и запомнила это так, как запоминают не нужную сейчас вещь, а ту, которая может понадобиться потом, хотя она не знала, зачем и когда.

Ночь в Вельтаре пахла дымом и мокрой шерстью, и Каэль вышел из общежития через чёрный ход, который запирался на замок, но ключ от которого он сделал сам, потому что замок был простым, а Каэль умел делать ключи, хотя и не умел чинить замки, как умел Тим, которого он ещё не знал, и который жил в Медном ряду и не имел отношения к этой ночи.

Полумаска лежала в кармане его куртки, и Каэль достал её, когда отошёл от Академии на три квартала, и надел на лицо, и почувствовал, как колокольная медь легла на скулы холодным и ровным весом, и левый край маски, тот, который был отбит, царапнул кожу у виска, и Каэль поправил её, и режиссёр внутри него дал команду: свет справа, луна за спиной, тень на лицо.

Маску он купил три недели назад у кукольника на Рыночной площади, и кукольник продавал её как списанный реквизит, и сказал, что она сделана из колокольной меди, потому что кукольники используют колокольную медь для масок, которые должны пережить больше одного спектакля, и Каэль заплатил четыре медные монеты, и кукольник завернул маску в бумагу, и Каэль нёс её домой и думал, что четыре медные монеты — это цена, которую платят за то, чтобы стать кем-то другим, и что это дешевле, чем билет в театр, и что Теневой Князь, если бы знал, сколько стоит его маска, не стал бы стоять в такой позе, а пошёл бы спать.

Он шёл по улицам Вельтара и чувствовал, как маска меняет его походку, потому что маска требует осанки, и осанка требует шага, и шаг требует ритма, и режиссёр внутри него считал шаги и проверял, не сбивается ли ритм, и Каэль шёл ровно, и тень его ложилась на мостовую длинной и узкой, и он думал, что вот сейчас, сейчас начнётся та сцена, ради которой он купил маску и репетировал перед треснувшим зеркалом.

Сцена началась в переулке за лавкой красильщика, и Каэль слышал её раньше, чем увидел: голоса, три мужских и один женский, и мужские голоса говорили громко и ровно, как говорят те, кто знает, что им не ответят, а женский голос не говорил, а молчал, и молчание это было таким, каким молчит человек, который считает, сколько у него осталось времени.

Каэль заглянул в переулок и увидел троих мужчин в серых куртках, которые окружили девушку, и девушка стояла спиной к стене, и в руке у одного из мужчин был кошелёк, и Каэль понял, что кошелёк не её, потому что она тянулась к нему не руками, а всем телом, как тянутся к вещи, которую у тебя забрали, и которую ты не можешь забрать обратно, потому что между тобой и вещью стоят трое.

Режиссёр внутри него дал команду: подавление, первый уровень, гаси их резонанс, не давай им звучать.

Каэль шагнул в переулок и расширил тишину вокруг троих мужчин, и почувствовал, как их резонанс, который звучал в нём грубо и громко, как звучат медные трубы, когда их не настроили, становится тише и тише, и мужчины замолчали не потому, что испугались, а потому, что звук внутри них перестал отзываться, и они не поняли, что произошло, и это было правильно, потому что подавление не должно быть понятым, оно должно быть просто тишиной, которая пришла и ушла, и никто не знает, откуда.

Один из мужчин повернулся к Каэлю и сказал: «Ты кто?» — и Каэль не ответил, потому что режиссёр внутри него сказал, что тень не отвечает на вопрос «ты кто», а стоит и смотрит, и Каэль стоял и смотрел, и мужчина шагнул к нему, и Каэль расширил тишину ещё, и мужчина остановился, потому что ноги его не слушались так, как слушались всегда, и он не понимал почему, и режиссёр внутри Каэля отметил, что сцена идёт хорошо, но что свет падает не оттуда, откуда нужно, потому что луна закрылась облаком, и тени на лице нет, а есть только маска, и маска без тени — это просто кусок меди на чужом лице.

Мужчины ушли, потому что не могли стоять в тишине, которая не отвечала им, и Каэль остался в переулке с девушкой, и девушка посмотрела на него, и Каэль увидел, что она не

испугана, и не благодарна, и не смотрит на него так, как смотрят на спасителя, а смотрит так, как смотрят на человека, который забрал чужую вещь и не собирается её возвращать.

— Кошелёк, — сказала она, и голос её был ровным, и в нём не было ни страха, ни благодарности, а только та ровность, которой отмеряют то, что должны.

Каэль посмотрел на кошелёк, который лежал на мостовой там, где его выронил один из мужчин, и наклонился, и поднял его, и протянул девушке, и она взяла кошелёк и сунула его в карман куртки, и не сказала спасибо, и режиссёр внутри Каэля замер, потому что в пьесе, которую он себе писал, девушка должна была сказать спасибо, или хотя бы посмотреть на него так, как смотрят на того, кто сделал что-то важное, но девушка не смотрела, а проверяла кошелёк, и Каэль понял, что для неё он не был Теневым Княцем, а был человеком, который подобрал кошелёк с земли, и что это всё, чем он был в этой сцене.

Девушка повернулась и пошла, и Каэль стоял в переулке и смотрел ей вслед, и режиссёр внутри него не давал команды к переходу, потому что перехода не было, потому что сцена закончилась не так, как была написана, и Каэль понял, что маска на его лице не делает его Теневым Княцем, а делает его человеком в маске, который стоит в переулке и смотрит на чужую спину, и что четыре медные монеты, которые он заплатил кукольнику, не купили ему ни света, ни луны, ни тени на лице, а купили только кусок колокольной меди с отбитым левым краем, который царапает висок.

Он снял маску и положил её в карман и пошёл обратно в общежитие, и режиссёр внутри него молчал, и Каэль шёл и думал, что имя, которое он придумал для этой ночи, имя Эреб, не было произнесено вслух, и что девушка не спросила его, и что он не ответил, и что имя осталось в кармане вместе с маской, и что в следующий раз, если будет следующий раз, он произнесёт его сам, потому что тень, которую не назвали, не существует, и что он назовёт её, даже если никто не спросит.

Он вернулся в комнату и лёг в кровать, и Бенно храпел, и штукатурка на потолке трескалась, и Каэль застегнул манжету на запястье и закрыл глаза, и подумал, что служанка в столовой запомнила форму его руки, и что он не знает, зачем она запомнила, и что это смущает его больше, чем неудача в переулке, потому что неудача в переулке была его ошибкой, а чужая память о его руке была не его, и он не мог её погасить, как гасят чужую частоту, потому что память не звучит, а просто лежит, как монета в кармане, и ждёт, пока её достанут.

Глава 3. Первая ложь, ставшая правдой

Каэль шёл по подземному ходу под Медным рядом и репетировал фразу, которую собирался произнести, когда найдёт тех, кто забрал детей.

Фраза была заготовлена заранее, ещё в комнате, перед треснувшим зеркалом, пока Бенно храпел и штукатурка сыпалась с потолка мелкой белой пылью, и звучала она так: «Вы думали, что забрали тех, кого никто не ищет, но тень ищет всех, и тень нашла вас», и режиссёр внутри Каэля прогонял её трижды, меняя ударение: первый раз на «забрали», второй раз на «никто», третий раз на «нашла», и ни разу не получалось так, чтобы звучало не как строчка из пьесы, которую ставят в провинциальном театре для пяти зрителей, и Каэль понимал, что фраза плохая, но другой не было, а идти без фразы означало идти без маски, а без маски он не умел.

Подземный ход пах мокрой глиной и чем-то ещё, сладковатым и тяжёлым, как пахнет бельё, которое долго лежало в закрытом сундуке и не проветривалось, и Каэль шёл, пригнувшись, потому что своды были низкими, и левый край полумаски, тот, который был отбит, царапал висок при каждом шаге, и Каэль поправлял её пальцем, и режиссёр внутри него отмечал: свет отсутствует, луны нет, факелов нет, сцена освещена только тем, что Каэль видит сам, а видит он немного, и это правильно, потому что тень не должна видеть слишком много, тень должна видеть ровно столько, сколько нужно, чтобы не споткнуться.

Дети из Медного ряда пропадали уже вторую неделю, и Каэль знал об этом, потому что слышал разговоры в столовой Академии, и потому что видел объявления на доске у входа в квартал, написанные неровным почерком на серой бумаге, и потому что режиссёр внутри него записал в блокнот: четыре ребёнка, возраст от семи до двенадцати, все из одного квартала, все исчезли ночью, и Каэль подумал, что это не совпадение, и что если это не совпадение, то кто-то берёт детей для чего-то, и что это «что-то» не бывает хорошим, и что он пойдёт и посмотрит, потому что Теневой Князь, если бы был настоящим, пошёл бы и посмотрел, и что Каэль не настоящий, но маска у него есть, и маска требует, чтобы её носили туда, где страшно.

Он шёл дальше, и ход разветвлялся, и Каэль выбрал левый, потому что из левого тянуло тем сладковатым запахом, и режиссёр внутри него дал команду: тише, шаг мягче, дыхание через нос, и Каэль шёл тише, и дыхание его было ровным, как ровным было дыхание Грэйва, когда тот отмерял соль, и Каэль подумал о Грэйве, и подумал, что Грэйв не одобрил бы этот поход, и что Грэйв сказал бы, что подавление — это не оружие, а уборка, и что уборщик не ходит туда, где его не звали, но Грэйв был мёртв пять лет, и ведро у порога его хижины всё ещё стояло полное, и Каэль шёл дальше, потому что режиссёр не дал команды остановиться.

Ход кончился дверью, и дверь была деревянной, обитой железными полосами, и из-за неё шёл свет, неяркий и ровный, как свет лампы, которую поставили на стол и не двигают, и Каэль прижался к стене и заглянул в щель, и режиссёр внутри него дал команду: смотри, запоминай, не дыши громко.

Каэль увидел комнату.

Комната была большой, с низким потолком, и в ней стояли столы, и на столах лежали бумаги, и за столами сидели люди, и люди писали, и Каэль моргнул, и посмотрел ещё раз, и люди всё ещё писали, и на столах стояли лампы, и рядом с лампами стояли кружки, и в кружках был чай, и один из людей, мужчина лет сорока в серой куртке, оторвался от бумаги и отхлебнул из кружки, и поставил кружку обратно, и продолжил писать, и Каэль понял, что режиссёр внутри него сейчас должен сказать что-то, должен дать команду, должен переписать сцену, потому что то, что происходило за дверью, не было ни жертвоприношением, ни ритуалом, ни тёмным обрядом, а было бухгалтерской сверкой, и люди за столами не были фанатиками, не были жрецами, не были теми, кого Каэль ожидал увидеть, а были людьми, которые сидели и писали, и пили чай, и один из них, тот, что в серой куртке, поправил лампу, потому что фитиль

стал коротким, и пламя уменьшилось, и Каэль стоял в щели и не мог понять, в какую сцену он попал, и режиссёр внутри него молчал, потому что в пьесе, которую он писал, этой сцены не было.

Каэль толкнул дверь.

Дверь открылась, и свет упал на него, и люди за столами подняли головы, и Каэль вошёл, и режиссёр внутри него, который к этому времени уже не молчал, а лихорадочно переписывал текст, сунул ему первую попавшуюся реплику, и Каэль произнёс её, и голос его звучал из-под маски глухо и ровно, как звучит голос из-под холстины:

— Вы считаете чужое, но не считаете своё, и тень пришла проверить, сходится ли ваша книга.

Он не знал, откуда взялась эта фраза, и режиссёр внутри него тоже не знал, и оба они поняли, что фраза не годится, но было поздно, потому что люди за столами уже смотрели на него, и один из них, тот, что сидел ближе всех, с пером в руке, смотрел не с испугом, а с тем выражением, с которым смотрят на человека, который вошёл не в ту комнату, но которого нельзя выгнать, потому что он в маске, а маска означает, что человек пришёл не просто так.

Мужчина в серой куртке встал из-за стола и сказал, обращаясь не к Каэлю, а к тому, что сидел ближе всех с пером:

— Запиши, что явилась тень и потребовала сверки, и запиши дословно, потому что дословно положено по уставу.

И тот, что сидел с пером, наклонился и записал, и Каэль увидел, как перо скрипит по бумаге, и увидел, что бумага лежит в толстой книге, и что книга эта не похожа на книгу заклинаний, а похожа на счётную книгу, в которой записывают приход и расход, и что строчка, которую только что написал человек с пером, легла между строчкой о расходе на воск и строчкой о расходе на лён, и Каэль понял, что его фраза, его импровизированная, нелепая, выдуманная на ходу фраза, сейчас лежит в бухгалтерской книге культа как запись о явлении, и что режиссёр внутри него должен был бы ужаснуться, но режиссёр не ужаснулся, а записал в блокнот: сцена работает, но не так, как планировалось, и что это либо провал, либо начало чего-то, чего он не понимает.

Каэль стоял посреди комнаты и чувствовал, как пот стекает по спине под курткой, и чувствовал, как левый край маски царапает висок, и понимал, что нужно сказать что-то ещё, потому что тишина после первой фразы длится уже слишком долго, и что люди за столами смотрят на него и ждут, и что если он сейчас уйдёт, не сказав больше ничего, то станет просто человеком в маске, который вошёл, сказал глупость и вышел, и что это будет конец, и что конец этот будет позорным, и режиссёр внутри него, который к этому времени уже понял, что сцена не провалена, а просто пошла в другую сторону, шепнул: говори, говори что-нибудь, говори то, что звучит как цель, потому что цель — это то, за чем идут, и если у тени есть цель, то тень — это не просто темнота, а направление.

И Каэль сказал:

— Тень даст заражённым цель, и цель эта не в том, чтобы гореть, а в том, чтобы не сгореть.

Он произнёс это и понял, что не знает, что это значит, и что фраза пришла из того же места, откуда пришла первая, из того тёмного и быстрого места внутри головы, где слова складываются раньше, чем мысль успевает их проверить, и что режиссёр внутри него записал эту фразу в блокнот и поставил рядом с ней пометку: запомнить, потому что звучит правильно, и что Каэль испугался, что забудет, потому что то, что звучит правильно и не имеет смысла, забывается быстрее, чем то, что имеет смысл и звучит плохо, и что он должен запомнить эту фразу, должен удержать её, как удерживают воду в ладонях, пока не найдут, куда вылить.

Тот, что сидел с пером, записал и эту фразу, и Каэль увидел, как она легла в книгу, и понял, что теперь в счётной книге культа, между расходом на воск и расходом на лён, лежит его выдуманная цель, и что цель эта не его, потому что он не знает, что она значит, и что она

стала их, потому что они записали её, и что записанное слово весит больше, чем сказанное, потому что сказанное слово растворяется в воздухе, а записанное остаётся на бумаге и ждёт, пока его прочтут.

А потом мужчина в серой куртке сказал:

— Сверка не закончена, и мы не можем остановиться на полпути, потому что полпути — это то место, где ошибки становятся необратимыми.

И Каэль понял, что это не угроза, и не вызов, и не объявление войны, а просто констатация, как констатируют, что вода в котле закипела и что нужно снимать пену, и что мужчина в серой куртке не собирается сражаться, а собирается закончить свою работу, и что работа эта важнее для него, чем человек в маске, который стоит посреди комнаты и говорит фразы, которые не понимает.

И тогда Каэль понял, что бой будет не потому, что они хотят драться, а потому, что они не хотят останавливаться, и что для них он не враг, а помеха, как помеха для швеи — узел на нитке, который нужно срезать, чтобы продолжить шить, и что это хуже, чем враг, потому что врага можно напугать, а помеху просто убирают.

Первый встал из-за стола, и Каэль увидел, как его резонанс вспыхнул, грубый и громкий, как вспыхивает медь, когда её бьют молотком, и Каэль расширил тишину вокруг этого человека, и почувствовал, как частота гаснет, как гаснет фитиль, когда его накрывают пальцем, и мужчина покачнулся, и сел обратно, и не понял, что произошло, и Каэль понял, что один есть, и что осталось ещё шестеро, и что режиссёр внутри него считает: один, два, три, четыре, пять, шесть, и что шесть — это много, и что подавление на шесть человек подряд — это то, чего Каэль никогда не делал, и что Грэйв говорил, что подавление на одного требует тишины внутри, а подавление на шестерых требует тишины снаружи, и что тишины снаружи нет, потому что комната полная, и люди в ней звучат, и звук их давит на Каэля со всех сторон.

Второй встал, и третий встал вместе со вторым, и Каэль понял, что они не будут выходить по одному, и что режиссёр внутри него ошибся, когда думал, что бой будет по очереди, и что бой не бывает по очереди, бой бывает сразу, и Каэль расширил тишину шире, чем делал когда-либо, и почувствовал, как внутри него что-то сдвинулось, как сдвигается камень на дне ведра, и как частота второго и третьего гаснет, и они падают, не мёртвые, а пустые, как пустые миски на столе, из которых вылились похлёбку, и Каэль почувствовал, как его собственная частота отзывается на это гашение болью, не острой, а тупой и глубокой, как боль в зубе, который давно ноет и к которому привыкли, и понял, что платит, и что плата эта не в силе, а в чём-то другом, в чём-то, что он не может назвать, потому что оно не имеет названия, и что Грэйв, наверное, знал название, но не сказал, потому что не успел.

Четвёртый, пятый и шестой встали вместе, и Каэль понял, что троих сразу он не погасит, потому что тишина внутри него уже не ровная, а рваная, как рваная нить, которую тянут и которая вот-вот порвётся, и что режиссёр внутри него кричит, но крик этот не слышен, потому что кричать в пустом зале бессмысленно, и Каэль сделал то, чему его не учили, то, чего Грэйв не показывал, потому что Грэйв не думал, что до этого дойдёт: он погасил не троих сразу, а одного из троих, того, который стоял ближе, и почувствовал, как частота этого одного гаснет, и как двое остальных, лишившись третьего, теряют ритм, и что ритм — это то, что держит троих вместе, как нить держит бусины, и что если нить порвать, бусины рассыплются, и Каэль порвал нить, погасив одного, и двое оставшихся замерли, и Каэль погасил их по очереди, одного за другим, и они сели, и комната стала тихой, и тишина эта была не той тишиной, которую Каэль создавал, а той, которая приходит после того, как всё закончилось, и в которой слышно только, как капает вода где-то за стеной, и как дышит сам Каэль, и как скрипит перо в руке того, кто сидел ближе всех и не встал, и не дрался, и не упал, а сидел и смотрел, и держал перо, и ждал.

Каэль стоял посреди комнаты и чувствовал, как его тошнит, и тошнота поднималась от желудка к горлу, ровная и неотвратимая, как поднимается вода в колодце, когда ведро тянут

вверх, и он повернулся и пошёл в угол, и его вырвало, и звук был громким в тихой комнате, и Каэль стоял, опираясь рукой о стену, и чувствовал, как потеет лоб под маской, и как левый край маски впивается в кожу, и как режиссёр внутри него не даёт команды, потому что режиссёр тоже не знает, что делать с этой сценой, в которой герой стоит в углу и его тошнит, и в которой нет ни света, ни позы, ни финальной реплики.

Он вытер рот тыльной стороной ладони и повернулся обратно к комнате, и увидел, что мужчина в серой куртке сидит на своём месте и смотрит на него, и что тот, кто сидел с пером, всё ещё сидит, и что книга лежит перед ним открытая, и что в книге записаны обе фразы Каэля, и что мужчина в серой куртке сказал:

— Сверка прервана, и мы продолжим её завтра, и запишем, что явилась тень и прервала сверку, и что тень сказала две вещи, и что обе вещи записаны дословно.

И Каэль понял, что его не прогонят, и не убьют, и не запомнят как врага, а запишут как событие, как записывают приход и расход, и что это хуже, чем враг, потому что врага помнят, а событие закрывают в книге и убирают на полку, и что он для них не человек в маске, а строчка между воском и льном.

Он вышел из комнаты и пошёл по подземному ходу обратно, и режиссёр внутри него молчал, и Каэль шёл и думал, что забыл фразу, ту вторую, про цель и про то, чтобы не сгореть, и что он не забыл её, но что она стала чужой, потому что её записали, и что записанное слово принадлежит тому, кто записал, а не тому, кто сказал, и что он не может забрать её обратно, потому что она уже лежит в книге, и что книга эта существует, и что в ней, между расходом на воск и расходом на лён, лежит его ложь, ставшая записью, ставшая документом, ставшая чем-то, что имеет вес и дату, и что режиссёр внутри него записал в блокнот: сцена закончилась, но пьеса не закончилась, и что следующий акт начнётся не тогда, когда Каэль решит, а тогда, когда кто-то другой прочтёт эту книгу.

Утро в Академии пахло варёной глиной и луком, и Каэль сидел на лекции по теории резонансных цепей и не слушал, потому что режиссёр внутри него переписывал вчерашнюю сцену и не мог переписать, потому что сцена не поддавалась, и лежала в памяти такой, какой была: с тошнотой в углу, с пером, скрипящим по бумаге, с запахом мокрой глины и чая, и Каэль смотрел в окно и думал, что маска лежит в кармане куртки, и что левый край её отбит, и что он не знает, наденет ли её ещё раз, и что не знает, не наденет ли.

Лекция кончилась, и студенты пошли к выходу, и Каэль пошёл с ними, и в коридоре его окликнули, и он повернулся, и увидел девушку, которая стояла у стены и держала в руках книгу, толстую и серую, с потёртыми углами, и Каэль узнал её, потому что это была та девушка из переулка, та, которая потребовала кошелек и не сказала спасибо, и которая смотрела на него так, как смотрят на человека, который подобрал чужую вещь с земли.

Она подошла к нему и протянула книгу, и Каэль посмотрел на книгу, и увидел, что это та самая счётная книга, та самая, в которой лежали его фразы между воском и льном, и что книга вырвана из комнаты, и что девушка держит её так, как держат вещь, которую нужно вернуть владельцу, и Каэль не взял её, и девушка не убрала руку, и они стояли в коридоре, и студенты шли мимо, и никто не смотрел на них, потому что коридор Академии — это место, где стоят люди и говорят, и никто не запоминает, кто стоит и что говорит.

— Я была там, — сказала девушка, и голос её был ровным, и в нём не было ни страха, ни благодарности, а только та ровность, которой говорят то, что нужно сказать, чтобы не держать в себе. — Я видела тебя в щель, и я видела, что ты сделал, и я забрала книгу, потому что в ней записано то, что они делают, и то, кому они платят, и то, откуда берут детей.

Каэль взял книгу, потому что не знал, что делать, если не возьмёт, и книга была тяжёлой, и пахла воском и чернилами, и Каэль держал её в руках и смотрел на девушку, и режиссёр внутри него не давал команды, потому что не знал, кто эта девушка в его пьесе, и какую роль она играет, и Каэль спросил:

— Как тебя зовут?

— Сера, — сказала она, и Каэль понял, что имя это звучит как имя, которое дают тем, кто должен был быть кем-то другим, и что Сера Ноктюрн стоит перед ним и держит руки пустыми, и что она смотрит на него не как на спасителя и не как на врага, а как на человека, который может сделать что-то, чего она сама сделать не может.

— Я служу Затмению, — сказала Сера, и Каэль понял, что он не знает, что такое Затмение, и что он не создавал Затмения, и что Затмения не существует, и что слово это пришло ему в голову три секунды назад, когда Сера протянула ему книгу, и что он не знает, почему сказал его, и что оно звучит правильно, и что правильное слово, сказанное вовремя, становится тем, чем его называют, и что Сера смотрит на него и ждёт ответа, и что режиссёр внутри него записал в блокнот: Затмение, записать, не забыть, потому что звучит как то, за чем можно идти.

Каэль открыл рот, и закрыл, и открыл снова, и сказал:

— Хорошо, и что он хотел сказать, это то, что хорошо, и что он не знает, что делает, и что Затмение существует теперь, потому что Сера сказала, что служит ему, и что слово, произнесённое вслух, весит больше, чем слово, записанное в книге, и что Каэль не понимает, как это работает, но что оно работает, и что режиссёр внутри него ставит свет на Серу, и на книгу в руках Каэля, и на коридор, в котором стоят двое и говорят, и никто не запоминает.

Сера кивнула и повернулась и пошла, и Каэль стоял в коридоре с книгой в руках и понимал, что он не Эреб для неё, и что она не думает, что он Эреб, а думает, что он посланник, и что посланник — это тот, кто несёт слово того, кто сам не приходит, и что Каэль не знает, кто такой Эреб для Серы, и что Эреб для Серы — это тот, кто сидит в темноте и не выходит, и что Каэль сидит не в темноте, а в коридоре Академии, и что он не великий, и что он не знает, что делает, и что Затмение существует, и что счётная книга лежит у него в руках, и что в ней, между воском и льном, записаны его фразы, и что фразы эти больше не его, и что он не знает, что с этим делать, и что режиссёр внутри него записал в блокнот: акт первый закончился, занавес не падает, потому что занавес некому опускать, и что следующий акт начнётся сам, и что Каэль не знает, когда, и что это страшно, и что это правильно.

Он пошёл по коридору, и книга была тяжёлой, и левый край маски в кармане куртки царапал ткань изнутри, и Каэль шёл и думал, что он придумал Затмение пять минут назад, и что пять минут — это время, за которое слово становится орденом, и что он не знает, как это остановить, и что не знает, хочет ли останавливать, и что режиссёр внутри него молчит, потому что режиссёр тоже не знает, и что это впервые, когда режиссёр не знает, и что Каэль идёт по коридору, и книга у него в руках, и Затмение существует, и счётная книга существует, и Сера существует, и что всё это началось с бухгалтерской ошибки, и что ошибка эта лежит теперь у него в руках, и что он не знает, что с ней делать, и что делать что-то нужно.

Глава 4. Сад теней

Красильня в Медном ряду пахла так, как пахнет место, в котором когда-то делали цвет, а теперь делают только запах.

Синяя краска въелась в стены, в пол, в потолок, в доски, из которых были сколочены стеллажи у дальней стены, и в воздух, который висел плотный и неподвижный, как висит бельё на верёвке в безветренный день, и Каэль, входя, почувствовал, как запах ложится на язык сладковатой горечью, похожей на вкус глины, которую долго держали в воде, и режиссёр внутри него отметил: место подходит, потому что место пахнет так, как должно пахнуть место, в котором прячутся те, кого не хотят видеть, и что свет здесь падает из двух окон, забитых досками, и что свет этот серый и ровный, и что это хорошо, потому что тень не любит яркого, и что режиссёр уже расставляет мизансцену: три фигуры в центре, одна фигура напротив, свет из окна слева, тень на лицо тому, кто говорит.

Три табурета стояли посреди красильни, и на них сидели трое, и Каэль увидел их и понял, что режиссёр внутри него ошибся с мизансценой, потому что мизансцена предполагает позу, а у троих на табуретах поз не было, и они сидели так, как сидят люди, которых куда-то привели и сказали сесть, и они сели, и сидят, и ждут, и не знают, что будет дальше, но знают, что будет что-то, потому что их уже приводили раньше, и раньше тоже говорили сесть, и раньше тоже было что-то, и Каэль понял, что эти трое не ждут спасения, а ждут, что им скажут, куда идти дальше, и что это страшнее, чем ждать спасения, потому что спасение предполагает, что ты хочешь жить, а ожидание приказа предполагает, что тебе всё равно, куда.

Ним сидела на левом табурете и держала руки на коленях ладонями вверх, и Каэль увидел, что подушечки её пальцев синие, не от краски, а так, как синеет кожа, когда кровь под ней течёт неправильно, и что синеву эту не смыть, потому что она не на коже, а под ней, и что Ним шестнадцать лет, и что она дочь красильщика, и что её привёл сюда Пепел, который живёт в ней и делает её пальцы синими, и что она смотрит на Каэля так, как смотрят на человека, который может сказать что угодно, и она поверит, потому что верить легче, чем не верить, когда тебе шестнадцать и у тебя Пепел.

Одда сидела на среднем табурете и была старше Ним на семь лет, и Каэль увидел это по её рукам, которые лежали на коленях не ладонями вверх, а сжатыми в кулаки, и по её плечам, которые были опущены так, как опускают плечи те, кто долго носил что-то тяжёлое и привык, и по её губам, которые двигались, и Каэль прислушался и понял, что Одда считает, и что она считает вслух, но тихо, почти шёпотом, и что счёт её ровный и бесконечный, и что она считает не для того, чтобы сосчитать, а для того, чтобы не думать, и что режиссёр внутри Каэля записал: Одда считает, когда ей страшно, и что сейчас ей страшно, и что счёт — это её способ не закричать.

Тим сидел на правом табурете и был маленьким, и ноги его не доставали до пола, и он болтал ими, и Каэль увидел, что Тим смотрит не на него, а на дверь, и что он сидит так, как сидят те, кто готов встать и побежать, и что ему двенадцать лет, и что он умеет чинить замки, и что Каэль не знает, зачем ему это знание, но записывает его, потому что режиссёр записывает всё, даже то, что не пригодится в этой сцене, потому что иногда то, что не пригодилось в этой сцене, пригождается в следующей.

Сера стояла у стены и не сидела, и Каэль увидел, что она не села, потому что не считает себя частью тех троих на табуретах, и что она привела их сюда и теперь стоит в стороне, как стоит тот, кто выполнил свою часть работы и ждёт, что сделают другие, и Каэль посмотрел на Серу, и Сера посмотрела на него, и в глазах её не было ни веры, ни надежды, а только та ровность, которой смотрят на человека, которому задали вопрос и ждут ответа, и Каэль понял, что он должен сказать что-то, и что режиссёр внутри него не даёт подсказки, потому

что режиссёр тоже не знает, что сказать, и что Каэль стоит посреди красильни, и три человека смотрят на него, и он не знает, кто он для них, и что они думают, что он связной Великого Эреба, и что Великого Эреба не существует, и что Каэль — это всё, что есть, и что это мало, и что это всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.